

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ — УСИЛЕНИЕ АРМИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Как только умер Сталин, «историки» получили задание от ЦК КПСС (в этом нет сомнений, если смотреть на их «труды») объяснять потери в войне тем, что Сталин якобы не дал привести войска в боевую готовность накануне нападения немцев на СССР, а накануне войны уничтожил лучшие кадры Красной Армии.

Вот в «Независимой газете» очередной «историк» А. Печенкин поясняет читателям вину Сталина, «поставившего свою страну перед катастрофой»:

«Действительно, РККА пережила за эти годы глубокие потрясения, структурную перестройку и значительные кадровые изменения. Четырежды менялись начальники Генштаба, командующие Военно-воздушными силами и Военно-морским флотом. Лишились своих постов, а затем погибли 9 заместителей наркома обороны, почти все командующие военных округов и многие командиры корпусов и дивизий. Кроме того, из армии были уволены свыше 40 тыс. офицеров, из которых только 12 тыс. (т.е. одна четверть) были затем реабилитированы и возвращены в строй. Сменились многие преподаватели и начальники военных учебных заведений. Все это не могло не отразиться на подготовке военных кадров и на уровне образования офицерского корпуса. Из 579 тыс. советских офицеров лишь 7,1% имели высшее образование, 55% — среднее, 24,6% окончили различные ускоренные курсы, а 12,4% вообще не имели военного образования. Отличительными чертами командиров РККА были патриотизм, относительная молодость,

отсутствие боевого опыта и небольшой командный стаж. Большинство командиров частей и соединений прослужило в занимаемых должностях менее одного года».

Печенкин не поясняет, сколько же должен офицер находиться в своей должности — 10 или 20 лет, чтобы уметь воевать, и радовало ли офицеров, если бы они в одной должности на радость Печенкину сидели по 20 лет, но, как видите, вина Сталина в «убийстве лучших кадров» тиражируется для наивных читателей «Независимой газеты» и надежно вкладывается в их головы. Уверен, что после этого найдется масса людей, которые жалкое состояние кадрового офицерства РККА тоже свяжут с репрессиями в армии 1937—1941 годов. Дескать, перебил Сталин всех умных и остался только с дрянью. Ошибутся эти люди, и сильно ошибутся: перед войной как раз и была сделана попытка очистить армию от негодяев.

Хорошие порядки в любой организации завести не просто, а всяческая дрянь заводится легко, и вывести ее потом очень трудно. Читателям, наверное, уже все уши прожужжала «демократическая» пресса, а не только Печенкин, что в 1937—1941 годы Сталин, дескать, расстрелял 40 тыс. генералов и офицеров Красной Армии, чуть ли не каждого четвертого. На самом деле — это число всех офицеров и генералов, уволенных из армии в то время, а собственно за участие в антисоветском мятеже было уволено всего около 4 тыс. человек, часть из которых действительно была арестована и осуждена, в том числе и к расстрелу. Вы спросите, кто же еще был уволен? А вот кто:

«За последнее время пьянство в армии приняло истинно угрожающие размеры. Особенно это зло укоренилось в среде начальствующего состава. По далеко не полным данным, в одном только Белорусском особом военном округе за 9 месяцев 1938 г. было отмечено свыше 1200 безобразных случаев пьянства, в частях Уральского военного округа за тот же период — свыше 1000 случаев и примерно та же неприглядная картина в ряде других военных ок-

ругов. Вот несколько примеров тяжчайших преступлений, совершенных в пьяном виде людьми, по недоразумению одетыми в военную форму. 15 октября... четыре лейтенанта, напившиеся до потери человеческого облика, устроили в ресторане дебош, открыли стрельбу и ранили двух граждан. 18 сентября два лейтенанта... при тех же примерно обстоятельствах в ресторане, передравшись между собой, застрелились. Политрук... пьяница и буян, обманным путем собрал у младших командиров 425 рублей, украл часы и револьвер и дезертировал из части, а спустя несколько дней изнасиловал и убил 13-летнюю девочку. 8 ноября... пять пьяных красноармейцев устроили на улице поножовщину и ранили трех рабочих, а возвращаясь в часть, изнасиловали проходную гражданку, после чего пытались ее убить. 27 мая... капитан Балакирев в пьяном виде познакомился в парке с неизвестной ему женщиной, в ресторане он выболтал ряд не подлежащих оглашению сведений, а наутро был обнаружен спящим на крыльце чужого дома без револьвера, снаряжения и партбилета. Пьянство стало настоящим бичом армии», — негодовал в своем приказе № 0219 от 28.12.1938 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов.

* * *

Армию, как и все государственные структуры, нужно было очистить от негодяев, от неспособных, от ленивых. Но чем больше ее чистили, тем больше становилось недовольных и среди военной дряни. Ведь армия была местом, где можно было «хорошо устроиться». Начальствующий состав получал большие продуктовые пайки и по сравнению с гражданскими лицами имел массу побочных удобств. Скажем, уже командиру полка полагался особняк или большая квартира, конь для строя, автомобиль для поездок и конный экипаж для выездов. Лишаться всего этого «заслуженным революционерам» и «героям Гражданской войны» было очень обидно.

В журнале «Военно-исторический архив» даны биографические справки на 69 лиц начальствующего состава Красной Армии в звании комкора (примерно генерал-лейтенанта), расстрелянных за участие в заговоре в 1937—1941 годах. (Для «полноты счастья» к ним составители «мартиролога» добавили и самоубийц.) Из этих 69 человек 48 были царскими офицерами в чинах до подполковника. Они вступили в Красную Армию, польстившись на обещания Троцкого обеспечить им быструю карьеру. Прошло 20 лет, они сидят на вторых и третьих ролях, а какие-то унтер-офицеры командуют округами! Разве не обидно?

Ну, разве не обидно было, скажем, комкору Г.К. Восканову, подполковнику царской армии, награжденному пятью орденами, включая Георгиевский крест, сидеть на должности заместителя председателя центрального Особсовета СССР и смотреть на унтера В.К. Блюхера, который уже маршал и командует Дальневосточным фронтом? А вообще необученный Ворошилов — нарком! В то время действительно множеством округов командовали те, кто в царской армии был рядовым или унтер-офицером (Буденный, Белов, Апанасенко).

Но и это не все. После Гражданской войны Красную Армию сократили до 500 тыс. человек, но с началом 30-х начался ее рост (1933 г. — 900 тыс., 1936 г. — 1,5 млн.) и, следовательно, рост количества командных должностей. Казалось бы, что в этих условиях должен был начаться служебный рост и этих генералов. Но на самом деле из этих 69 человек 35 не только не сохранили свои должности 20-х годов, но и резко их снизили уже к 1934 году, когда ни о каком заговоре и мятеже против Советской власти еще и слухов не было. Вот, скажем, комкор Н.В. Куйбышев, кавалер трех орденов Красного Знамени, в царской армии — капитан, в Гражданскую войну командовал армией. В 1929 году он командующий Сибирским военным округом — хозяин Сибири! А в 1930 году — он секретарь распорядительных заседаний Совета труда и обороны. Не обидно ли?

На мой взгляд, о репрессиях прекрасно написал историк В.И. Алексеев, ветеран войны, авиаинженер и летчик-истребитель.

Алексеев: «Следует также остановиться на репрессиях вообще и на вопле «историков» о том, что репрессии якобы сгубили «цвет» Красной Армии и оставили ее без командиров. Полное издание книги Жукова подобные «историки» так «дополнили»: «Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием. Более того, многие из них даже не кончали военных училищ, а основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава» (т. 1, с. 352).

Во-первых. Эта сентенция звучит довольно-таки глупо по отношению к самому маршалу Жукову, который, как и маршал Рокоссовский, не имел никакого формального военного образования.

Во-вторых. Получается, что поражения в сражениях начала войны, которыми Жуков сам, кстати, командовал, он объясняет тем, что у него, дескать, подчиненные не служили по 100 лет в армии и не окончили по 10 академий. Неграмотные были. Грамотных репрессировали, остались одни неучи. А давайте вспомним, как обстояло дело с офицерскими кадрами у наших врагов.

Надо напомнить волгоновым и прочим «историкам», что после Первой мировой войны и до середины 30-х годов в немецкой армии служили всего 4 тыс. офицеров. После того как Гитлер начал разворачивать армию до военной численности, в нее начали призываться офицеры из запаса, которые кончили службу чуть ли не 20 лет назад, и начали производиться в офицеры фельдфебели и унтер-офицеры. То есть к началу войны стаж службы в офицерских должностях у подавляющего числа немецких офицеров был в пределах 5—7 лет.

Да, Блюхер, Тухачевский, Егоров, Якир и другие заговорщики в Гражданскую войну командовали фронтами

и армиями, а посему могут считаться людьми с большим полководческим опытом. Но во Франции маршал Петен, генералиссимус Гамелен уже в Первую мировую войну командовали армиями и были героями. Это не помешало им в 1940 году практически за две недели сдать более слабым немцам.

А вот из 19 гитлеровских фельдмаршалов сухопутных войск в Первую мировую никто не имел чина выше майора. Первую мировую войну А. Роммель окончил капитаном в должности командира роты, Вторую мировую начал в 1939 году командиром батальона личной охраны фюрера, в январе 1941 года стал генерал-майором, а уже в июне 1942 года, буквально проскочив три генеральских звания, — фельдмаршалом. Причем, А. Роммель на Западе считается одним из лучших полководцев гитлеровской Германии наряду с Э. Манштейном, который Первую мировую войну также окончил капитаном, но о котором даже недовольный своими генералами Гитлер впоследствии сказал: «Возможно, Манштейн — это лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус Генштаба».

Так каких офицеров Жукову не хватало? И в чем тут виноват Сталин и репрессии?..

* * *

Я уже затронул тему генеральского предательства, однако давайте хотя бы вкратце остановимся и на довоенной измене генералов. В свое время мне уже пришлось обсуждать в газете этот вопрос, и подвигло меня на это такое письмо читателя:

«В газете «Дуэль» № 19 за 1996 г. Ю.Мухин, в статье «Надо ли всех объявлять евреями», разбирая «еврейский вопрос», коснулся и «русской души», в частности ее отрицательной черты: неуважения к предкам, что якобы и страна распалась из-за этого. Другие нации — татары, казахи и др. свято чтят память своих предков. А мы проявляем хам-

ство, пишет Ю. Мухин, даже Сталина оплевали, оплевали Хрущева, Брежнева и т.д. Ну и что? Ведь в глубине русской души заложены начала правды, бескорыстия, готовности идти на жертвы в пользу человечества и достойного будущего. И если лидер, в которого верили, которому доверяли, — погряз эти каноны, то, естественно, это вызвало духовный протест. Отсюда у нашего народа большие требования к лицам, власть имущим. Скажите, разве это вяжется с совестью, используя труд, энергию коммунистов-ленинцев и въехав на их горбу в социализм, взять их и наиболее деятельных перестрелять?! Вот их неполный список: Рыков, Бухарин (инициалы опускаю, ибо эти фамилии у многих на слуху, для краткости), Сокольников, Пятаков, Раковский, Бубнов, Рудзутак, Эйхе, Косиор, Серебряков, Каминский, Постышев, Чубарь, Енукидзе, Косарев, Кабаков, Румянцев, Кнорин, Демченко, И.П.Жуков, Кодацкий, Кривицкий, Лебедь, Лобов, Павлуновский, Чудов, Шеболдаев, Варейкис, Затонский, Межлаук, Примаков, Пятницкий, Рахимович, Уншлихт, Яковлев, Гринько, Зеленский, Иванов, Икрамов, Розенгольц, Чернов, Балицкий, Калыгина, Комаров, Кубяк, Любимов, Носов, Сулимов, Грядинский, Попов, Рындин, Мирзоян, Благодеров, Быкин, Блюхер, Дерibas, Егоров, Исаев, Корк, Кульков, Курицин, Лозовский, Михайлов, Пахомов, Сидельников, Семенов, Тухачевский, Уборевич, Якир, Позерн, Смородин, Угаров, Голодед, Любченко, Саркисов... Что? Еще перечислять или хватит? Ибо на всех загубленных бумаги не хватит! Это были лишь те, кто участвовал в XVII съезде ВКП(б) 1934 г. А Ян Карлович Берзин и легендарный Дыбенко чего стоят! Так вот, благодаря этим коммунистам были заложены основы социализма, и чтобы не быть им обязанным — Сталин их всех — на эшафот! Так за что же его почитать?! За политический бандитизм?!..

Вот в вашей газете некто профессор неизвестных наук П. Хомяков тоже талдычит осанну Сталину, указывая какие-то его заслуги... Вот ведь какое умопомрачение! Мышление по короткому замыканию: от плюса к минусу, без анализа в присутствии совести и чести.

Или: Еврейский антифашистский комитет с 1943 г. вел из СССР радиотрансляцию на Германию, разоблачая Гитлера и его клику, и внес определенный вклад в нашу победу. И что? В 1948—1952 гг. все они были расстреляны, включая самого Лозовского (председателя Совинформбюро во время войны), хотя уточняя: женщина, ученая, профессор медицины, академик Штерн отделалась только тюремным сроком. Сталин любил женщин, он и жену Маяковского — Лилию Брик вычеркнул из списка лиц, представленных к уничтожению: «Пощадим жену Маяковского», — изрек вождь. Но он отлично умел отбирать кадры по признаку личной преданности: посадил в тюрьму жен своих прямых помощников — жену Молотова и жену Калинина. Ни Молотов, ни Калинин возмущения не проявили! Вот это преданность вождю! А вот у кого были действительно деловые качества, это: Вознесенский (председатель Госплана), Кузнецов (секретарь Ленинградского горкома) — уничтожены уже после войны и репрессирован их аппарат. Сталин не мог допустить, чтобы рядом с ним находились крупные умные деятели, иначе, чего доброго, наживешь потенциальных претендентов на свой пост. Сталин — весь в крови невинноубиенных! Судите сами: Сталин уничтожил Ленинскую гвардию в партии, ниспровергнул Ленинские нормы жизни в партии, коллективность руководства, окружил себя подхалимами и карьеристами, создал номенклатуру, которой было все дозволено, посеял страх и сковал творческую активность масс, он фактически разложил партию, что привело к распаду СССР. Вот тут-то и сказывается протест русской души, которой противно коварство, ложь, жестокость и предательство. За эти качества его надо было не прославлять, а лишить чести звания коммуниста ныне, хотя бы посмертно (ведь награждают же людей посмертно, так почему же не взыскать посмертно).

Сталин с полным основанием мог бы провозгласить: «Государство — это Я!» Как когда-то говорил французский «король-солнце» — Людовик XIV. Сталин считал, что «пар-

тия — это он». А тем, кто возражал ему в чем-либо, имея собственное мнение, Сталин обычно парировал: «Вы что, против партии?»

Славословие Сталину до того дошло, что превратилось в подобие психологического наркоза продленного действия. Иначе как объяснить, что такие умные люди, как В. Бушин и писатель В. Карпов, до сих пор не могут освободиться от этого «зомби».

Можно быть отличным публицистом, классным писателем, но это будет лишь профессией. Кроме этого, у человека должно быть «ядро личности»: комплекс морально-духовных достоинств и нравственных качеств, которые формируют личность, в противном случае — ситуационное зомбирование со стороны СМИ правящего режима ведет к деформации личности с последующими проявлениями и взглядами, далекими от здравого смысла и от гражданской совести.

И снова вопрос: как можно было расстреливать своих соратников по партии, по борьбе при завоевании Советской власти? И как можно об этом забыть, да еще и хвалить Сталина за его «планетарное мышление» («планетарное» — это по определению писателя В. Карпова).

Итоги: для того, чтобы победил социалистический строй, надо открыто сказать правду о Сталине и донести людям правду о том, что социализм — это научно организованное общество социальной справедливости с равными возможностями для творческого развития личности при общественной собственности на средства производства и призвать бороться за эту идею всеми силами Русской души!

P.S. На Вашу просьбу, т. Ю. Мухин, я откликнулся, написал Вам целую статью, хотя я и не еврей, а русский (Вы же в газете просили, чтобы Вам по еврейскому вопросу писали еврей), но думаю, «была не была», напишу, тем более гражданское чувство обязывает.

А вот напечатаете ли мое письмо? Сомневаюсь: для этого нужно гражданское мужество. Хотя (как знать, ведь

Ваша газета — «газета борьбы общественных идей — для тех, кто любит думать»), — так значится в подзаголовке газеты «Дуэль». С гражданским приветом.

Савинов А.Ф.

* * *

А вот мой ответ читателю: «Уважаемый Александр Федорович! Должен заметить, что, когда Сталина стали называть убийцей, мы с П. Хомяковым только в школу пошли, разве что В. Бушин был постарше. И с тех пор более сорока лет все начальство страны талдычит: «Сталин — убийца!» И вы вместе с ними. Это похвально! Но Вам все же следует расспросить у знакомых смысл слова «зомби», чтобы правильно им пользоваться.

Не все фамилии в списке мне знакомы, но кое-какие я встречал. Скажем, в опубликованном дневнике М. Сванидзе, которая в то время о своем родственнике писала так: «Я не верила в то, что наше государство правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд, а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали нравов и быта. Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на наш быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развращен и сластолюбив — он смрадил вокруг себя — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек... Тошно говорить и писать об этом, но будучи эротически ненормальным и очевидно не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более юных и, наконец, докатился до девочек в 9—11 лет... Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам».

Так, М. Сванидзе пишет о стоящем у вас в списке 14-м А. Енукидзе — секретаре президиума ЦИК СССР, втором человеке в высшем законодательном органе власти в стране. Если говорить Вашими словами, то примерно таким об-

разом он «закладывал основы социализма». Малолетними девочками. Между прочим, в этом деле не отставал от Енукидзе и главный контролер страны — нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции. Он у вас в списке седьмой. Его фамилия Рудзутак. Взяли власть — гуляй всласть!

Не знаю, может, у Вас есть малолетние внуки и Вы жалеете, что без Енукидзе и Рудзутака не можете, как те женщины, «иметь все»? Вы же видите, как после революции 1991 года во власть ринулись мерзавцы. С чего Вы взяли, что в то время власть для негодяев была менее соблазнительной?

Давайте возьмем еще кого-нибудь, скажем, Тухачевского. Еще в 1930 году два преподавателя Академии им. Фрунзе сообщили, что Тухачевский вербует среди военных сторонников для захвата власти. Им устроили в ЦК очную ставку с Тухачевским. Они подтвердили показания, но Тухачевский отказался, а поскольку за него заступились Дубовой, Якир и Гамарник, то 23 октября 1930 года Сталин радостно писал Молотову: «Что касается Тухачевского, то последний оказался чистым на все 100 процентов. Это очень хорошо». Рано радовался. В 1936 году были арестованы комкоры Примаков и Путна, но они молчали 9 месяцев, до мая 1937 года. Могли бы молчать и дальше, но в середине месяца Гитлер продал НКВД (за помеченные советские червонцы) документы, которые Гейдрих выкрал в Генштабе немецкой армии и которые первоначально предназначались для компромата командования вермахта. Документы Примакова подкосили. Он начал говорить, и по его показаниям арестовали Тухачевского и других. Эти «кололись» немедленно.

Фельдман в день ареста. Тухачевский успел написать тома собственноручных признаний. Вы, конечно, скажете, что их пытали.

В 1957 году Тухачевского и других реабилитировали, а в 1961 в ЦК КПСС спохватились и сделали «проверку правильности» обвинения 1937 года. Конечно, искали хоть ка-

ких-либо доказательств пыток. Нашли такие: «Мучительно-му ночному допросу был подвергнут и арестованный комкор Путна... 14 мая его допрашивали в течение всей ночи. В результате Путна дал показания на Тухачевского...» Допросила комиссия ЦК и следователя, пытавшего Примакова: «Давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить дать показания... В это время ему разрешали в день спать 2-3 часа в кабинете, где его должны были допрашивать и туда же ему приносили пищу».

Показания Тухачевского с подельниками рассмотрели на заседании суда их товарищи — Блюхер, Егоров, Алкнис — и единодушно решили расстрелять за измену. Вы, конечно, скажете, что им Сталин приказал. Но дело в том, что ни тогда, ни сегодня судьям никто и ничего приказать не может. Судья по ст. 305 УК РФ сегодня должен получать 10 лет за то, что выносит приговоры по чьим-либо приказам, а тогда по ст. 114 УК РСФСР более 2 лет. Но Вы же все равно не поверите и будете кричать: «Сталин убил! Сталин убил!»

Тогда я должен сказать — правильно убил! Зачем Красной Армии нужны были трусливые и подлые маршалы, которые от угрозы сутки не поспать оговаривают себя в том, чего не совершали и за что полагается расстрел, или те, кто из раболепия перед начальством идут на подлость убийства своих невинных товарищей?

Но и без этого на поведение некоторых маршалов следовало бы обратить внимание. Скажем — на маршала Блюхера, десять лет командовавшего нашими войсками на Дальнем Востоке.

У него была молодая жена, и, когда Блюхера арестовали, ее тоже отправили в лагеря, она растеряла детей, сидела очень долго и, разумеется, люто ненавидела Сталина. Тем ценнее ее показания. Их стоит привести.

Она описывает инспекцию Гамарника в Хабаровске летом 1936 года, когда еще ни один командир Красной Армии не был арестован: «При отъезде Гамарника в Моск-

ву он (Блюхер. — Ю. М.), сказавшись больным, провожать высокого гостя и начальника не поехал, что выглядело демонстрацией... Несколько позже муж решил в дороге нагнать поезд, с которым уехал Гамарник. Перед отъездом на вокзал он сказал мне: «А ты готовься к срочному отъезду из Хабаровска... Пришлю телеграмму. Мы условились: речь в телеграмме будет о Лиде... Если будет сообщено, что она приедет — это будет означать, что мы в Хабаровске остаемся, если же не приедет — значит, мы уезжаем. Телеграмму из Читы я получила: «Лида приедет».

Спросите себя — куда Блюхер, человек военный, бросив свой пост в Хабаровске, планировал уехать без разрешения командования? И зачем ему этот отъезд нужно было кодировать в переписке с женой? Далее: «Он рассказал, что с Гамарником (встреча состоялась на ст. Бочкарево-Чита) был продолжительный разговор, в котором Я.Б. Гамарник предложил Василию Константиновичу убрать меня, как лицо подставное («Объявим ее замешанной в шпионаже, тем самым обелим вас... молодая жена...») На что Василий Константинович ответил (привожу его слова дословно): «Она не только моя жена, но и мать моего ребенка, и пока я жив, ни один волос не упадет с ее головы».

Смотрите, какие интересные разговоры ведут между собой «жертвы Сталина». Оказывается, если оклеветать невинного человека возле Блюхера, то с самого Блюхера можно снять обвинение в шпионаже. (Напоминаю — в это время еще никаких арестов не было.) Блюхер рад оклеветать невинного человека, но вот беда — она мать его ребенка! Это его удержало!

Год спустя Блюхер с женой были в Москве. Глафира Блюхер рассказывает: «31 мая во второй половине дня Василий Константинович и первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) тов. Лаврентьев (Карвелашвили) поехали навестить приболевшего Якова Борисовича Гамарника к нему домой... К вечеру, еще засветло, муж вернулся домой... На следующий день я, просматривая утреннюю

почту... прочла... о том, что вчера, 31 мая, покончил жизнь самоубийством махровский враг народа Я.Б. Гамарник».

Итак, именно после разговора с Блюхером и Лаврентьевым Гамарник застрелился. Блюхер жене откомментировал это так: «...Яков Борисович, по-видимому, уже говорил с Киевом по прямому и уже знал, что Иону Якира арестовали... Значит, в тот момент, когда мы отъезжали, энкэвэдэвцы ринулись в дом, чтобы арестовать Якова Борисовича. Он застрелился. Успел».

Давайте обсудим это «успел». Почему оно так удовлетворило Блюхера? По военным русским меркам у офицера есть только один повод застрелиться — когда он является носителем важной тайны и не уверен, что сможет скрыть ее от врагов. Получается: Гамарник, узнав, что дал показания после ареста 28 мая Якир, застрелился и этим успел что-то скрыть от их совместных врагов — НКВД.

Потом 11 июня Блюхер был членом суда над Тухачевским, Якиром и прочими «верными ленинцами». Он задавал злые вопросы подсудимым и приговорил их к расстрелу. Он, а не Сталин.

А затем, в 1938 году, были бои с японцами у озера Хасан, которыми руководил Блюхер. Результаты боев обсуждались на Главном военном совете Красной Армии, в присутствии еще не снятого с должности Блюхера — члена этого совета. Ворошилов по итогам совета дал приказ № 0040 от 4.9.1938 года. Не будем приводить данные в нем оценки Блюхера, а дадим несколько фактов. Сначала о Блюхере как профессионале: «Т. Блюхер систематически из года в год прикрывал свою... работу... донесениями об успехах, росте боевой подготовки фронта и общем благополучном его состоянии. В таком же духе им был сделан многочасовой доклад на заседании Главного военного совета 28—31 мая 1938 г., в котором утверждал..., что войска фронта хорошо подготовлены и во всех отношениях боеспособны».

А реально: «Войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновен-

ный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен (о начале конфликта Блюхер знал заранее, за 7 дней. — Ю. М.) для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий... Во многих случаях целые артиллерийские батареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий. Все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности... Танковые войска были использованы неумело, вследствие чего понесли тяжелые потери... От всякого руководства боевыми действиями т. Блюхер самоустранился... Лишь после неоднократных указаний Правительства и народного комиссара обороны... специального многократного требования применения авиации, от введения в бой которой т. Блюхер отказывался... после приказа т. Блюхеру выехать на место событий, т. Блюхер берется за оперативное руководство. Но при этом... командование 1-й армии фактически отстраняется (Блюхером. — Ю. М.) от руководства своими войсками без всяких к тому оснований. Вместе с тем т. Блюхер, выехав к месту событий, всячески уклоняется от прямой связи с Москвой... трое суток при наличии нормально работающей телеграфной связи нельзя было добиться разговора с т. Блюхером».

Да... те еще были маршалы! Но застенчивый в бою, Блюхер проявил бешеную инициативу в другом. За пограничную линию он не отвечал, за это отвечало НКВД, в составе НКВД были пограничные войска. Для улаживания по-

граничного вопроса с японцами накануне событий в Хабаровск прибыли заместители наркомов НКВД и НКО. В тайне от них, безо всякого приказа и согласования Блюхер создает комиссию и подтверждает японцам «нарушение» нашими пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно... нашу «виновность в возникновении конфликта на о. Хасан». А в разгаре боев его фронта с двумя японскими дивизиями он объявляет на Дальнем Востоке мобилизацию 12 призывных возрастов (что мог сделать только ВС СССР).

«Этот незаконный акт, — пишет в приказе Ворошилов, — тем непонятней, что Главный военный совет в мае с.г. с участием т. Блюхера и по его же предложению решил призвать в военное время на Дальнем Востоке всего лишь 6 возрастов. Этот приказ провоцировал японцев на объявление ими своей мобилизации и мог втянуть нас в большую войну с Японией»».

* * *

Иногда даже не знаешь, что делать: возмущаться или смеяться? Забив себе голову хрущевскими антисталинскими пропагандистскими клише, историки как отмороженные не соображают, что пишут. Вот некто Михаил Ильинский выдал книгу «Нарком Ягода» со стандартным для каждого околосторического идиота набором выводов: Сталин приказал убить верных ленинцев, Вышинскому достаточно было только признания, следователи НКВД пытками заставляли подозреваемых эти признания выдумывать. Но при этом он публикует, цитирует и даже пересказывает массу документов тех лет и подробностей, выявленных на допросах, и впечатление такое, что Ильинский совершенно не понимает, что он опубликовал и процитировал.

Такой, взятый наобум пример. Вот Ильинский восхищается высокопоставленным чином ЧК-ГПУ-НКВД А.Х. Артузовым и считает его выдающимся контрразведчиком и

образцом для подражания всех работников спецслужб. И тут же публикует письмо Артузова от 03.12.31 председателю ГПУ Менжинскому, которое по своему смыслу является образцом низкопоклонства и подлости. Как следует из текста, Менжинский и Ягода заподозрили Артузова в том, что тот сообщает в ЦК и, соответственно, Сталину факты о работе ГПУ, которые можно использовать для критики Менжинского и Ягоды. Артузов в отчаянии:

«...Итак, моя лояльность к Вашей линии, к Вам лично взята под сомнение! Мне трудно описать, насколько этот вывод убил и обескуражил меня. Ведь Вы для меня не только наш председатель, олицетворяющий линию партии в нашей борьбе, но еще и Вячеслав Рудольфович — руководитель, первый мастер нашего дела; с Вашим именем связаны годы совместной прекрасной работы.

И сегодня я все же должен приводить доказательства лояльности!

...По правде говоря, я думал, что и Генрих Григорьевич (Ягода. — Ю. М.) уверен в моей полной лояльности, не смотря на свою крайнюю подозрительность.

...Наоборот, я считал всякую критику (вроде евдокимовской) разоружением ГПУ в наиболее ответственный момент...

Боюсь, что из меня не будет работника в условиях, когда надо доказывать свою лояльность...

...Вы можете быть совершенно уверенными, что никогда я не позволю себе сказать дурное слово о ГПУ или его руководстве».

Заметьте, кому Артузов клянется в верности — это не Родина, не государство, не партия и не Сталин, все это для Артузова совмещено в лице Менжинского и его заместителя Ягоды. Такой вот верный чекист.

Так чему удивляться, что этот верный чекист на допросе показал следующее.

«— Расскажите, при каких обстоятельствах вы были привлечены Ягодой к участию в антисоветском заговоре.

— В 1932 году мне позвонил Паукер и сказал, что меня срочно требует к себе Ягода. Я явился немедленно. В кабинете Ягоды находился Паукер. Ягода без слов показал мне агентурное сообщение Паукера, из которого было ясно, что наружная разведка Оперода точно засекала мои встречи с представителем «швейцарского Красного Креста» Верлином в районе недалеко от Химок. Зафиксированы были номера машин, моей и Верлина, а также факт поездки Верлина в моей машине и возвращения его к своей машине почти через час.

Я понял, что никакие объяснения ни к чему не приведут, решил, что у меня нет другого выхода, как разоблачить себя перед Ягодой.

С тех пор, как Ягода узнал о моей связи с французами, он начал вести со мной откровенные антисоветские разговоры».

Как такое мог придумать следователь? Ведь это доказывается Ягодой, Паукером и сотрудниками Оперативного отдела, которые вели слежку за Верлином.

И как можно сомневаться вот в таких показаниях Артузова:

«— Какие цели ставили заговорщики?

— Основная задача — восстановление капитализма в СССР. Совершенно ясно, отмечал Г.Г. Ягода, что никакого социализма мы не построим, никакой советской власти в окружении капиталистических стран быть не может. Нам необходим такой строй, который приближал бы нас к западноевропейским демократическим странам. Довольно потрясений! Нужно наконец зажить спокойной обеспеченной жизнью, открыто пользоваться всеми благами, которые мы, как руководители государства, должны иметь.

В качестве мер по восстановлению капитализма в СССР намечались: ограничение, а затем отмена монополии внешней торговли; широкое предоставление всякого рода концессий иностранным капиталистам; отмена ограничений по въезду и выезду иностранцев; постепенное вовлечение

СССР в мировой торгово-промышленный оборот; выход советской валюты на международный рынок; отмена всех привилегий для коллективных хозяйств в экономике; свободный выбор для крестьян форм землепользования (колхоз, артель, единоличное хозяйство, хуторское или другое хозяйство); увеличение норм личной собственности.

В области политической Ягода выделял необходимость ослабления борьбы с классовым врагом, дать свободу политзаключенным, обеспечить демократические свободы — слова, собраний, печати, неприкосновенности личности и жилища; провести свободные выборы на основе демократической конституции, по духу приближенной к конституциям буржуазных республик, и, конечно, при соблюдении полного равенства граждан СССР независимо от социального и национального происхождения, характера труда (умственного и физического) и т.д. Ягода был готов отказаться от всех прав, завоеванных пролетариатом, в пользу прав, утерянных буржуазией в результате революции.

Будучи недостаточно подготовленным теоретически, — говорил Артузов, — он излагал политические цели заговорщиков недостаточно четко. Он ведь не теоретик, и многое в его высказываниях звучало, как перепев чужих мыслей».

Это ведь программа, осуществленная Горбачевым, Ельциным, Яковлевым и еще кучкой ренегатов в 1991 году, причем они совершили преступление, предусмотренное ст. 64 тогдашнего Уголовного кодекса, и подлежат, как и «герои 1937 года», расстрелу. Причем, эти ренегаты уничтожили СССР именно с той целью, что была и у Ягоды, — чтобы открыто пользоваться благами, на которые, как они полагали, они имели право как руководители. Как можно сомневаться, что Ягода предавал во имя барахла, если Ильинский начинает книгу с перечня того, что у Ягоды конфисковали, и этот перечень в 130 позиций, которому и сейчас многие магазины позавидуют, возглавляют:

«1. Денег советских — 22 997 руб. 59 коп., в том числе сберегательная книжка на 6180 руб. 59 коп.

2. Вин разных — 1229 бут., большинство из них заграничные и изготовления — 1897, 1900 и 1902 гг.

3. Коллекция порнографических снимков — 3904.

4. Порнографических фильмов — 11 шт.

5. Сигарет заграничных разных, египетских и турецких — 11 075 шт.

6. Табак заграничный — 9 коробов.

7. Пальто мужск. Разных, большинство из них заграничных — 21 шт.

8. Шуб и бекеш на беличьем меху — 4 шт.

9. Пальто дамских разных заграничных — 9 шт.

10. Манто беличьего меха — 1 шт.

11. Котиковых манто — 2 шт.

12. Каракулевых дамских пальто — 2 шт.

13. Кожаных пальто — 4 шт.

14. Кожаных и замшевых курток заграничных — 11 шт.

15. Костюмов мужских разных заграничных — 22 шт.

16. Брюк разных — 29 пар.

17. Пиджаков заграничных — 5 шт.

18. Гимнастерок коверкотовых из заграничного материала, защитного цвета и др. — 5 шт.

20. Сапог шевровых, хромовых и др. — 19 пар.

21. Обуви мужской разной (ботинки и полуботинки), преимущественно заграничной — 23 пары.

22. Обуви дамской заграничной — 31 пара».

И так далее и тому подобное, заканчивая позицией: «130. Чемоданов заграничных и сундуков — 24». А собравший все эти документы в книгу М. Ильинский по поводу пересказа Артузовым программы заговорщиков вопрошает: «Мог ли состояться такой разговор? Вернее всего, нет. Вся запись могла быть фальшивкой». Так, может, мы до сих пор живем в богатом и могучем СССР, может, это убудочное СНГ тоже фальшивка?

* * *

Ильинский постоянно стонет, что все изменники 30-х годов якобы оговорили себя под пытками, и тут же дает выступление Ягоды перед оперативным составом НКВД, а там есть такие указания:

«Забывают о том, что каждый неправильный арест играет на руку классовому врагу, что мы собственными руками создаем врагов Советской власти. Разве у нас при следствии нет случаев грубого обращения, даже применения «мата»? А кто вам дал право на это? Не говоря о недопустимости ругани вообще, но ведь пока арестованный не осужден, он — полноправный гражданин Союза. Отсюда и все последствия. Вы себя компрометируете. А нам приходится рассчитывать, потому что заключенный написал письмо о том, что при допросе его ругали «матом».

А потом, вы иногда кричите на арестованного. Это от бессилия. Следователь, который вооружен уликами, чувствует за собой всю силу партии, мощь страны, знает, что бесполезно кричать на человека сидящего. Он у вас в руках, за решеткой, и кричать о том, что вы его расстреляете, или угрожать ему — это трусость. Нужно спокойно, терпеливо, со знанием дела доказать ему его виновность и с сознанием своей правоты изобличать его в тех преступлениях, которые он совершил. У вас есть все для этого. Иначе следствие никуда не годится. Грош ему цена».

Так били в НКВД арестованных или даже кричать на них боялись? Били, били! — слышу я вопли жертв хрущевской оттепели — вон и Вышинский говорил, что признание — это царица доказательств. Так вдумайтесь в то, что говорил Вышинский, — признание не является доказательством, это всего лишь их итог. А Вышинский требовал, чтобы НКВД представляло ему, прокурору СССР, не признания, а реальные доказательства. На пленуме ЦК 3 марта 1937 года Вышинский, предупреждая необоснованное привлечение людей к суду, делал такое замечание НКВД.

«Вышинский: Соприкасаясь с работой НКВД в течение ряда лет сначала в качестве заместителя прокурора Союза, а затем прокурора Союза ССР и в качестве работника, не только обвинителя, но человека, которому пришлось председательствовать в суде по таким делам, как «Шахтинское дело», «Дело Промпартии», Дело электровредителей (Метро — Виккерс), я должен сказать, что в основе всех этих процессов лежал всегда материал вполне объективный, убедительный и добросовестный. Это же нужно сказать и о двух последних процессах. Но, однако, сплошь и рядом чувствуется, что в следственном производстве имеется целый ряд недостатков. В большинстве случаев следствие на практике ограничивается тем, что главной своей задачей ставит получение собственного признания обвиняемого. Это представляло значительную опасность, если все дело строилось лишь на собственном признании обвиняемого. Если такое дело рассматривается судом и если обвиняемый на самом процессе откажется от ранее принесенного признания, то дело может провалиться. Мы здесь оказываемся обезоруженными полностью, так как, ничем не подкрепив признание, не можем ничего противопоставить отказу от ранее данного признания. Такая методика ведения расследования, опирающаяся только на собственное признание, — недооценка вещественных доказательств, недооценка экспертизы и т.д. — и до сих пор имеет большое распространение.

Известно, что у нас около 40%, а по некоторым категориям дел — около 50% дел кончаются прекращением, отменой или изменением приговоров. Против этой болезни и была еще в 1933 году направлена инструкция 8 мая. В чем заключается основная мысль этой инструкции? Она заключается в том, чтобы предостеречь против огульного, неосновательного привлечения людей к ответственности. Я должен добавить, что до сих пор инструкция 8 мая выполняется плохо».

И ведь не только Ильинский, но и масса других «серьезных» историков печатают такие документы, пляшутся в

них, делают вид, что понимают то, что там написано, а после этого талдычат и талдычат, что в 30-х годах никаких изменников не было, а просто Сталин «боролся за власть»...

* * *

А теперь представьте, что вы в далеком 1937 г. организуете военный заговор с целью захвата власти в СССР. Значит ли это, что вам хватит только внутренней поддержки? Нет, конечно. Нужна и внешняя поддержка, иначе любой спасшийся член законного правительства СССР будет не только для своих граждан, но и для зарубежных стран главой страны, а это может вызвать гражданскую войну с непредсказуемым итогом, так как законное правительство будет пользоваться ресурсами СССР, находящимися за рубежом, а путчисты даже золото, захваченное в Госбанке, не смогут использовать.

Вспомните, в октябре 1993 г. фашист Ельцин не применял силу против Верховного Совета РСФСР, пока США не признали «законность» этого ублюдка.

Поэтому и заговорщикам в 1937 г. требовалась поддержка за рубежом с тем, чтобы прорвать возможную блокаду СССР после захвата власти. Ведь они были троцкисты, то есть — марксисты в крайней форме, а не буржуазная партия. Надеяться на автоматическую поддержку Запада, как получил ее Ельцин, им не приходилось. Поэтому естественно, что Тухачевский провел зондаж там, где имел больше всего знакомых — в Германии.

Поскольку у демократов общепринято говорить, что немцы, дескать, оклеветали бедных заговорщиков в СССР перед лицом подозрительного Сталина, предоставляю слово Вальтеру Шелленбергу:

«...Поддержка Тухачевского могла означать конец России как мировой державы, в случае же неудачи Германия оказалась бы вовлеченной в войну. Разоблачение Тухачевского могло бы помочь Сталину укрепить свои силы или

толкнуть его на уничтожение значительной части своего Генерального штаба. Гитлер, в конце концов, решил выдать Тухачевского и вмешался во внутренние дела Советского Союза на стороне Сталина.

Это решение поддержать Сталина вместо Тухачевского и генералов определило весь курс германской политики вплоть до 1941 года и справедливо может рассматриваться как одно из самых роковых решений нашего времени. В конечном итоге оно привело Германию к временному альянсу с Советским Союзом и подтолкнуло Гитлера к военным действиям на Западе, прежде чем обратиться против России...

Гитлер распорядился о том, чтобы офицеров штаба германской армии держали в неведении относительно шага, замышлявшегося против Тухачевского, так как опасался, что они могут предупредить советского маршала. И вот однажды ночью Гейдрих послал две специальные группы взломать секретные архивы Генерального штаба и абвера, службы военной разведки, возглавлявшейся адмиралом Канарисом. В состав групп были включены специалисты-взломщики из уголовной полиции. Был найден и изъят материал, относящийся к сотрудничеству германского Генерального штаба с Красной Армией. Важный материал был также найден в делах адмирала Канариса. Для того чтобы скрыть следы, в нескольких местах устроили пожары, которые вскоре уничтожили всякие признаки взлома. В поднявшейся суматохе специальные группы скрылись, не будучи замеченными. В свое время утверждалось, что материал, собранный Гейдрихом с целью запутать Тухачевского, состоял большей частью из заведомо сфабрикованных документов. В действительности же подделано было очень немного — не больше, чем нужно для того, чтобы заполнить некоторые пробелы. Это подтверждается тем фактом, что все весьма объемистое досье было подготовлено и представлено Гитлеру за короткий промежуток времени — в четыре дня.

По зрелом размышлении решено было установить контакт со Сталиным через следующие каналы: одним из не-

мецких дипломатических агентов, работавших под началом штадартенфюрера СС Беме, был некий эмигрант, проживавший в Праге. Через него Беме установил контакт с доверенным другом доктора Бенеша, тогдашнего президента Чехословацкой Республики. Доктор Бенеш сразу же написал письмо лично Сталину, от которого к Гейдриху по тем же каналам пришел ответ с предложением установить контакт с одним из сотрудников советского посольства в Берлине. Мы так и поступили, и названный русский моментально вылетел в Москву и возвратился в сопровождении личного посланника Сталина, предъявившего специальные полномочия от имени Ежова, бывшего в то время начальником ГПУ.

Сталин запрашивал, в какую сумму мы оцениваем собранный материал. Ни Гитлер, ни Гейдрих и не помышляли о том, что будет затронута финансовая сторона дела. Однако, не подав и виду, Гейдрих запросил три миллиона рублей золотом, которые эмиссар Сталина выплатил сразу после самого беглого просмотра документов.

Материал против Тухачевского был передан русским в середине мая 1937 года. Как известно, суд над Тухачевским проходил в тайне. В состав трибунала входили, главным образом, советские маршалы и руководители Красной Армии. Обвинительный акт был подготовлен Военным советом, обвинителем выступал Андрей Вышинский.

Тухачевский вместе с другими участниками заговора был арестован вечером 4 июня 1937 года. После безуспешной попытки покончить жизнь самоубийством, он предстал перед судом в 10 часов утра 11 июня; суд закончился в десять часов вечера того же дня. Согласно сообщению ТАСС от 11 июня, все обвиняемые признали свою вину. Никаких других подробностей дела фактически не было опубликовано. Вышинскому на чтение обвинительного заключения потребовалось едва ли двадцать минут. Он требовал изгнать обвиняемых из Красной Армии и приговорить их к смертной казни через расстрел. По приказанию Сталина командой, наряженной для расстрела, командовал маршал Блюхер (который сам пал жертвой одной из более поздних

чисток). Из состава трибунала ныне живы только Ворошилов и Буденный.

Большую часть суммы в три миллиона рублей, выплаченных нам русскими, пришлось уничтожить лично мне самому, так как вся эта сумма состояла из купюр высокого достоинства, номера которых, очевидно, были переписаны ГПУ. Всякий раз, когда какой-либо из наших агентов пытался использовать их на территории Советского Союза, его арестовывали в удивительно короткое время».

* * *

Прежде всего, нужно задать себе вопрос: а не врет ли Шелленберг? Врет, конечно, но важно определить — в чем он врет? Он фат, из его мемуаров это просто выпирает, он не пропускает случая показать себя таким интеллектуалом. Поэтому на все его «анализы» и описания своей роли можно не обращать внимания.

Нам ведь важен главный вопрос — документы о заговоре Тухачевского были подлинными или их подготовил сам Гейдрих?

Вот здесь Шелленберг соврать не мог. Он был осужден на 6 лет, но по болезни вышел из тюрьмы даже раньше срока — в начале 1951 г. Написал мемуары и умер в 1952 г. Когда он их писал, то знал, что любой их издатель рискует, если он, автор, извратит факты так, что будет уличен в клевете на кого-либо, ведь издатель издавал мемуары заправилы рейха, а ненависть к фашистской Германии была еще очень высока.

Напиши он, что, дескать, мы с Гейдрихом изучили список советских генералов, отобрали самых талантливых, составили схему заговора, придумали темы бесед Тухачевского с Бломбергом, да еще и восстановили по датам, когда они могли встречаться, и т.д. — то есть соври об этих документах и событиях, — а в Советском Союзе опубликовали бы подлинные документы, полученные СССР, и издатель оказался бы фашистским прихвостнем, распространяющим фашистскую клевету.

Поэтому заметьте, Шелленберг в своих мемуарах о фальсификации упоминает, но при этом дважды подчеркивает, что в основе досье лежали подлинные документы о заговоре военных в СССР.

Посмотрите, с какой тайной они извлекали эти документы из архивов Генштаба — если документы сфальсифицированы, то зачем это описывать? Но вспомним, что первоначально-то с помощью этих документов Гитлер собирался убрать своих генералов и извлекал он их тайно, чтобы не дать им подготовиться. Ведь если заговора не было, то что тогда Гейдрих изъяс в Генштабе? О чем немецкие генералы могли «предупредить» Тухачевского?

Сыграли свою роль эти документы в раскрытии заговора? Вероятнее всего. Ведь арестованные еще в 1936 г. Путьна и Примаков ни в чем не признавались именно до поступления этих документов в Союз. А потом выдали всех остальных подсудимых процесса, которые, в свою очередь, признавались чуть ли не в день ареста.

Как доказательства на суде эти документы не использовались, так как получены были от врага, т.е. для суда они не могли быть достоверным доказательством, но они использовались для получения признания от подозреваемых.

И не было никаких пыток, все уличенные признавались быстро потому, что 58-я статья за одно и то же преступление предусматривала два разных наказания, вынесение которых судом зависело от оценки политической ситуации руководством страны. По ст. 58 УК РСФСР за контрреволюционное преступление можно было получить расстрел, но если Политбюро политическую обстановку считает не страшной, то осужденного могли просто лишить гражданства и выслать за границу, как Троцкого. Даже за участие в вооруженном восстании. Поэтому чистосердечное признание давало подсудимым надежды на сравнительно мягкий приговор, и Тухачевский с поделщиками спешили признаться один впереди другого.

Так что заговор был, и уничтожены были не просто тупые генералы, а предатели.

И в заключение этой части книги хочу сказать вот о чем. В нашей истории довольно хорошо изучены мотивы, которыми руководствовались патриоты, понятны и мотивы, которыми руководствовались откровенные предатели. Но никто не занимался изучением мотивов, которыми в годы войны руководствовался обыватель, а ведь именно он составлял большинство населения. Обыватель — это тот, чьи цели в жизни ограничиваются желанием вкусно жрать, трахаться, иметь побольше барахла и не иметь опасностей для существования. Обывателю плевать, какая власть на дворе, ему мила любая власть, которая удовлетворяет его желания. Для удовлетворения желаний нужны деньги, для того, чтобы их иметь, надо работать или служить. И обыватель работает и служит: и шахтером, и дояркой, и ученым, и генералом. Обыватель всегда хвалит и громче всех клянется в верности существующей власти, но только потому, что надеется этим схватить у нее кусок побольше.

Понятие чести, долга, патриотизма ему неведомо, но предать откровенно он боится. Однако это не значит, что он не смотрит в будущее.

Вот представьте. Началась война с немцами. Какие мысли должны были появиться у обывателя? Мог ли он верить в победу СССР? Никогда! Посудите сами.

Обыватель, даже с образованием, всегда туповат: зная себя, он такими же представляет и всех своих соплеменников. Российский обыватель всегда млел перед Европой, а Гитлер — это Европа! И обыватель без сомнений считал — куда уж нам, лапотным, супротив Европы!

Более того, немцы поставили на колени остальные страны континента, их армия оглушительно разгромила армии остальных государств. Ну, куда России (в понимании обывателя) с немецкой армией и всей Европой тягаться?!

Обыватель — подлый трус, в его понимании и все остальные — такие же. Кто же (в понимании обывателя) будет сопротивляться немцам, если «все мы трусы»?

Обыватель свято верил, что Германия победит СССР, тем более что немцы это сделали в Первую мировую, когда на стороне России были Франция, Италия, США, Бельгия и прочие страны. А одной России, с отсиживающимися на островах британцами, немцев никогда не победить!

Говорить об этом обыватель не мог — во время войны за такие разговоры могли расстрелять, но не думать о будущем он ведь тоже не мог!

Такой вот пример. В начале этого века сотрудник британской разведки Ричард Томлисон написал книгу, вышедшую у нас под названием «Большой провал». В ней он рассказал и об одном своем успехе. В середине 90-х в Англии к британской разведке обратился приехавший туристом полковник Советской (Российской армии) и предложил по недорогой цене секреты, о которых ни британская разведслужба МИ-6, ни ЦРУ и мечтать не могли — систематизированные числовые данные по испытанию всех советских ракет. Томлисон за этими данными ездил в Россию, выкрал их с квартиры этого полковника, чем и отличился. Но не в нем дело.

Этот полковник очень долго служил в испытательной группе на полигоне и по роду службы знал параметры ракет, снятые во время их пусков. Эти данные, само собой, были строго секретны и выносить их за территорию полигона было строжайше запрещено. Да и за сотрудниками полигона присматривала контрразведка на предмет их контакта с подозрительными иностранцами. Дело это было опасное, но обывателя, как вы видите, эта опасность не смущала. Он годами выносил и выносил эти данные на всякий случай — вдруг придется Родину продать, так ведь надо подороже! Думал этот полковник о будущем, думали о будущем и те полковники и генералы РККА, которых заботило, в каких чинах они будут служить после победы Гитлера над СССР.

ИЮНЬ 1941-го. СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА В ПОЛНОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ

Вскоре после Победы, 24 мая 1945 года, И.В. Сталин созвал на банкет по случаю Победы высший генералитет тогда еще Красной Армии. Хотя Сталин и считал себя русским грузинского происхождения, но первые тосты он чисто по-грузински поднял за своих гостей. А затем сказал последний тост, очень известный.

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской Республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог

бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

* * *

В коммунистической и русской националистической среде этот тост очень известен — как же, ведь он так греет душу русского, приподнимая его над остальными. Но если вы всмотритесь в текст и попытаетесь понять, зачем Сталин сказал этот тост, то увидите, что это тост покаяния главы СССР перед народом, пострадавшим из-за его ошибок. Русский народ в данном случае выделен из-за непропорциональности своих потерь. Составляя в численности населения СССР около 53%, русские (великороссы, малороссы и белорусы) в числе фронтовых безвозвратных потерь составили 66%. И одновременно этот тост — безоговорочное указание на того, кто действительно победил в этой войне — народ. Победил даже при ошибках правительства.

Сталин задал тон, и должно было бы последовать понимание со стороны советского генералитета, то есть следующий поднимающий тост генерал или маршал обязан был предложить выпить за солдата, который победил, несмотря на ошибки этих генералов. Но этого не случилось, генералы поднимали бокалы, но не за солдат. Сталин терпел и ждал.

Из присутствующих на банкете военачальников сотни написали мемуары, но ни один из присутствовавших нико-

гда даже не заикнулся о том, как проходил этот банкет далее — после тоста Сталина.

Но вот вспоминает Лебединцев, один из тех офицеров, кто прошел всю войну: «Теперь я хочу привести рассказ еще одного современника событий тех лет. Речь пойдет о банкете Победы, на котором наш Верховный Главнокомандующий, Председатель Ставки ВГК, Председатель Совета народных комиссаров, народный комиссар обороны и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) от имени всех своих должностей решил поблагодарить великий русский народ за его стойкость, выдержку, как старшего брата всех других народов, населявших Советский Союз. Это общеизвестно. Ветераны войны помнят и о том, что Сталин благодарил военные советы фронтов, чокаясь с каждым членом военных советов от имени правительства и ЦК партии, благодарил и поздравлял он Генеральный штаб.

Этот рассказ я услышал от самого старшего из больных Центрального Красногорского военного госпиталя в самый канун 1974 года, когда сам уже год находился на пенсии. За ужином возник спор об опале маршала Георгия Жукова между одним из сотрудников журнала «Военный вестник» и лечившимся генерал-майором. По окончании ужина мы разместились в комнате отдыха на диванах. Спорщик-генерал вскоре убыл в палату, а в центре внимания оказался престарелый генерал-полковник, бывший в войну заместителем командующего войсками фронта и присутствовавший на Банкете Победы. Начал он свой рассказ с того, что находится в преклонных годах, но еще нигде не прочитал сообщений о том, как проходил банкет для высшего командования Генерального штаба и фронтовых членов Военного совета. И вот что рассказал участник банкета.

Маршал Жуков находился за одним столом с Верховным Главнокомандующим, но в его персональную честь не было сказано ни слова. Всем присутствовавшим это показалось странным. Старшие военачальники стали знаками подавать ему сигнал на перекур. Жуков попросил Ста-

лина сделать перерыв. Вождь дал разрешение. Сам он курил трубку за столом, а все вышли в курительную комнату. Здесь же командующие войсками фронтов попросили маршала Жукова начать короткое выступление, чтобы они могли продолжить здравицу в честь первого маршала Победы.

Жуков свое выступление-тост начал примерно так: «Если бы меня спросили: когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза». Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: «Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и могут не получить их, т.к. стали инвалидами!» На этот упрек Жуков ответил так: «Товарищ Сталин, я, как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все работники Генерального штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Ватутин, Штеменко и др.). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это».

Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обломилась, и красное вино пролилось на скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: «А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл...ей». Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся.

* * *

Разговор о честности целого ряда полководцев РККА я хотел бы начать даже не с вопроса их честности по отношению к советскому народу, а об их честности по отноше-

нию к своему Верховному Главнокомандующему Сталину. Ведь в ходе войны этот Верховный либеральничал и прощал этим генералам такое, за что в иных странах, скажем в той же нацистской Германии, расстреливали. Правда, если у Гитлера, задолго до войны начавшего к ней готовиться, а посему изучившего кадровый состав немецких генералов, была возможность заменить тех, кого он снимал с должностей, то у Сталина готовых кандидатур, готовых «Гинденбургов» никогда не было в достаточном количестве, и он вынужден был работать с теми генералами, которых хоть как-то знал. Думаю, что именно этот дефицит и требовал от Сталина многое прощать генералам во время войны, а после войны прощать, возможно, уже по привычке. Эти полководцы безмерно, и далеко не по заслугам, награждались по его, Верховного, представлениям, им назначались большие оклады, предоставлялись фешенебельные по тем временам квартиры и дачи. Я пишу об этих пустяках, поскольку для обывателя они особенно ценны, обыватель, по сути, других ценностей и не знает. Так вот, уже хотя бы за эти, полученные при посредстве Сталина, блага можно было бы хотя бы не поливать своего Верховного (после его убийства, само собой) потоками лжи?

Ведь ложь о войне, исходящая от генералов, убийственно действует не только на нашу, плохо разбирающуюся в любых вопросах интеллигенцию, но и на массы, которым обычно недосуг самим вникать в подробности военного дела. Люди ведь лгут, в основном, по мелочам, и, как заметил еще Гитлер, в наглую ложь бездумно верят — им кажется невероятным, что можно лгать так чудовищно. И многие полководцы РККА лгут именно так, и лгут даже не столько о себе, о своих подвигах, что по меркам рыбаков и охотников простительно, сколько лгут о Сталине.

Конечно, тут есть и такой мотив. Советский народ, кормивший своих полководцев, потерял в войне очень много и людей, и ценностей. И, само собой, у советского народа естественен вопрос к полководцам: почему под вашим

водительством мы потеряли так много? А если во всем обвинить Сталина, то можно убеждать простаков, что полководцы-то они просто замечательные, да что они могли поделать, если их Верховный был таким гадом?

Но эта потребность интернациональна — ни одного генерала не радует необходимость подробно рассказать о потерях войск, понесенных под его командованием. И все полководцы уже давно знают, что делать — надо просто об этих потерях молчать или отделаться чем-то вроде «наши потери не превысили потерь, которые несут храбрые войска, разгромившие сильного противника». Так выкручиваются даже проигравшие войну немецкие генералы, так что уж стоило промолчать нашим? Но они не молчали, они нагло клеветали на Сталина. Значит, была еще причина и более серьезная, нежели желание просто скрыть потери.

Вот давайте в качестве примера их лжи рассмотрим утверждение о том, что Сталин якобы накануне войны не привел войска в боевую готовность. В газете «Дуэль» дискуссия об этом началась еще в конце 90-х, мне тогда пришлось ответить на вот такое письмо читателя.

«Проблемой начального периода ВОВ я начал заниматься с 1972 г., когда мой отец вышел на пенсию и увлекся исторической литературой о войне. Увлёкся и я и сразу же обратил внимание на нелогичность в описании начального периода. Исследовательский дух заставил перечитать сотни книг на эту тему. И я пришел к выводу, что главной причиной поражения наших войск в 1941 г. и огромной цены, которую заплатил наш народ за победу, явилось запоздалое приведение войск в боевую готовность. Этот фактор намного превосходит все другие факторы, вместе взятые. Невысокая боевая подготовка солдат и офицеров, недостаток средств радиосвязи и моторизации блекнут перед проблемами немецкой армии, которой в нормальных условиях предстояло штурмовать мощнейшие укрепрайоны без достаточного количества тяжелой артиллерии (е

даже для штурма Брестской крепости едва наскребли) и требуемого запаса боеприпасов. Но в условиях неразберихи, а часто и паники первых дней войны значение наших недостатков возросло многократно, а немецких сведено на нет — им не пришлось штурмовать УРы, и господство в воздухе они захватили не в упорной борьбе с нашими истребителями, а уничтожив их на земле.

Ссылки на низкое качество «устаревшей» техники очень часто не соответствуют действительности. Пушки «устаревших» БТ и Т-26 пробивали броню немецких средних танков. А истребители И-16 последних серий вполне могли потягаться с любым истребителем 1941 г. Так, И-16, тип 24, имел скорость 525 км/ч, две пушки, мощность двигателя 1000 л. с. при массе 1912 кг («Развитие авиационной науки и техники в СССР», М., 1980). То есть И-16, тип 24, превосходил «мессершмитт», и наш лучший истребитель Як-1 в маневренности, в вооружении (наши пушки в 1,8 раза скорострельнее немецких), при несколько меньшей мощности, был намного легче и лишь в горизонтальной скорости и аэродинамике уступал им. Недаром почти все первые Герои ВОВ сражались на И-16.

Так что дело не в устаревшей технике, хотя и ее было много, тех же И-16 первых серий, которые наряду с еще более слабыми И-15 составляли основу прибывших из внутренних округов в первые недели войны полков. Дело в том, что 70% истребительных полков были расположены вблизи границы и понесли огромные потери. Было уничтожено на земле в первый день от 800 до 1800 боевых машин, в основном истребителей. И повреждено, как это обычно бывает, в 2—3 раза больше. Вот почему немцам удалось захватить господство в воздухе!

А без господства в воздухе никому не удавалась ни одна наступательная операция. Наступление Красной Армии под Москвой было осуществлено при очень низкой активности немецкой авиации, не приспособленной к суровым зимним условиям. Наступление немцев в Арден-

нах проходило при нелетной погоде. Поэтому наступление против мощнейших УРов, с дотами, выдерживающими попадание 210-мм снарядов, да еще с форсированием водных преград без господства в воздухе и большого количества тяжелой артиллерии — это самоубийство.

Теперь об укрепрайонах. Линия Маннергейма имела в среднем около двух, в основном пулеметных, дотов на 1 км фронта (*Мерецков К.А.* На службе народу. М., 1968), в Гродненском УРе, на правом фланге Западного ВО протяженностью 80 км 165 дотов, вооруженных в основном пушками (*Анфилов В.А.* Крах блицкрига. М., 1977). Значительно более слабые укрепления на греческой границе немцы не могли прорвать в течение нескольких дней, несмотря на абсолютное превосходство в артиллерии, танках и авиации.

Весьма уязвимы и рассуждения о том, что если бы СССР привел свои войска в боевую готовность, то Гитлер объявил бы его агрессором и на нас напала бы Япония.

Во-первых, если бы Германия получила жесткий отпор уже в первые дни, то весьма маловероятно, что Япония, уже битая Красной Армией, вступила в войну. Более того, скорее всего нарушили бы свои обязательства европейские союзники Германии, как это они сделали в 1944 г. А Финляндии и нарушать ничего не надо было, так как она должна была вступить в войну после форсирования немцами Западной Двины.

Во-вторых, Япония все равно отвлекала огромные силы Красной Армии — свыше 1 млн. солдат и офицеров, более 16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, до 4 тыс. боевых самолетов (Вторая мировая война. Уроки и итоги. М., 1985).

В-третьих, потенциальные возможности советской военной промышленности намного превышали возможности Германии и Японии. Так, в конце сентября 1941 г. авиационная промышленность выпускала более 100 боевых машин в сутки, то есть около 37 тыс. в годовом исчислении. Германия в 1941 г. выпустила 8,4 тыс. боевых машин, Япо-